

UNITED WISDOM

Мир и сознание: карта главных вопросов

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Мир и сознание: карта главных вопросов

Эпиграф

«[...] возможно, я ошибаюсь [...]»

Рене Декарт, «Рассуждение о методе», часть I. Собственный перевод проверенного фрагмента английского перевода Джона Вейча: “it is possible I may be mistaken”. Пропуски обозначены; речь идёт об осторожности Декарта в оценке собственного пути, а не об отказе от всякого знания. Текст и контекст.

О чём эта статья

Разговор о мире и сознании часто начинается с очень большого вопроса: что на самом деле существует? Однако внутри него скрываются другие вопросы. Что человек непосредственно переживает? Как он узнаёт о событиях, которых не видел? Что позволяет считать объяснение убедительным? И когда описание личного опыта превращается в утверждение об устройстве всего мира?

Эта статья предлагает карту таких различий. Мы сопоставим постановку вопроса о бытии у Аристотеля, поиск основания знания у Декарта, разговор о познающем в «Кена-упанишаде» и точное определение физического времени у Эйнштейна. Их ответы принадлежат разным проектам и не складываются в одну скрытую доктрину. Сопоставление помогает заметить, какие вопросы остаются общими, а какие требуют разных способов проверки. В конце появится маршрут дальнейшего чтения и способ разобрать одно сложное утверждение, сохраняя уважение к переживанию человека и требовательность к выводам, которые из него делают.

I. Один мир, несколько вопросов

Вопрос о мире становится яснее, когда мы различаем предмет разговора и способ доступа к нему. Представим вечер у моря. Один человек описывает цвет неба, другой сверяет время захода солнца, третий спрашивает, почему вообще существует мир. Они могут смотреть в одном направлении, но выяснять разные вещи. Отчёт о переживаемом цвете, запись времени и размышление о бытии не отвечают друг за друга.

Первый вопрос касается того, что произошло: например, когда солнце исчезло за горизонтом из выбранной точки. Второй касается того, как это было дано человеку:

@andrey.zarinsh @ilkutki

спокойно, тревожно, с ощущением необычной ясности. Третий касается основания вывода: использовали ли часы, сравнивали ли наблюдения, на какой аргумент опирались. Четвёртый касается масштаба: говорится ли об этом вечере, о человеческом опыте вообще или о существовании всего сущего. Уже здесь видно, почему одна выразительная фраза может объединять очень разные претензии.

Если человек говорит, что в этот момент мир казался ему единым, его сообщение заслуживает внимания как описание опыта. Чтобы перейти к утверждению, что мир устроен определённым образом, понадобится дополнительное основание. Название переживания не выполняет эту работу автоматически. Обратно, точная запись времени не сообщает, что значил вечер для человека. Взаимное ограничение таких выводов позволяет сохранить оба вида сведений.

В начале четвёртой книги «Метафизики» Аристотель отличает общий вопрос о сущем от исследований, выделяющих отдельную область. Нам полезно само различение масштаба, хотя современное устройство наук нельзя просто перенести в его текст. В этой статье карта будет строиться вокруг четырёх опор: предмет, опыт, основание и граница вывода. Они помогают уточнять вопрос раньше, чем выбирать любимый ответ. Тогда спор о мире может оказаться спором о понятии, разницей наблюдений или действительным разногласием о существовании. Каждый случай требует своего следующего шага.

II. Что значит спрашивать о существовании

Вопрос о том, что существует, отличается от вопроса о том, как что-то измерить. Аристотель в «Метафизике» IV.1 говорит об исследовании сущего именно как сущего. Речь идёт о замысле общей философской области, а не о перечне предметов, которые сейчас видны человеку. Эта постановка заставляет спросить, что объединяет разные случаи существования и какие свойства мы приписываем им на самом общем уровне.

Для вводной карты важно не превращать эту формулировку в готовую современную теорию. У Аристотеля свой язык, свои задачи и последующие аргументы. Мы используем здесь только различение общей области вопроса и частных исследований. Из него не следует, что философ может без специальных данных ответить за физика или что измерение заменяет все вопросы о бытии. Разные масштабы исследования связаны, но переход между ними требует объяснения.

Вообразим музейную дискуссию о старом письме. Можно спросить, существует ли рукопись в архиве. Можно выяснить, подлинная ли она. Можно обсуждать, существует ли чувство, которое автор описывает, и каким образом существует значение написанного. Эти вопросы не обязаны иметь одинаковый ответ или одинаковую

проверку. Подлинность документа требует работы с его происхождением; понимание описанного чувства включает толкование; общий вопрос о статусе значения допускает философские позиции. Слово «существует» сохраняется, а работа меняется.

Поэтому полезно каждый раз завершать фразу: существует в каком смысле и на каком основании это утверждается? Такое уточнение не обесценивает вопрос. Оно обнаруживает, что именно предстоит исследовать. Если материальный документ утрачен, это ещё не решает вопрос о содержании сохранившейся копии. Если рассказ впечатляет, это ещё не подтверждает подлинность рукописи. Если общий взгляд на мир кажется убедительным, это не избавляет от проверки конкретного факта. Онтологическая широта становится плодотворной, когда сохраняет эти различия, а не поглощает их одним словом.

III. Опыт как отправная точка

Личный опыт даёт человеку исходный доступ к вопросу о сознании, но его содержание и его объяснение следует различать. В части IV «Рассуждения о методе» Декарт ищет то, что выдержит радикальное сомнение. В ходе этого аргумента он связывает уверенность в собственном существовании с происходящим мышлением. Это философская работа с основанием знания, а не сообщение об измерении мозга. Декарт, часть IV.

Такой ход помогает увидеть разницу между тем, что переживание происходит, и тем, верно ли его предметное истолкование. Можно ошибиться в том, откуда доносился звук, и всё же действительно слышать нечто. Можно неверно определить причину ожидания, сохранив факт собственного ожидания. Это наши поясняющие примеры, а не эксперименты, проведённые Декартом. Они показывают логическое различение, которое пригодится дальше: наличие опыта не подтверждает автоматически каждый вывод, содержащийся в рассказе о нём.

Затем Декарт делает более сильный шаг: утверждает различие мыслящего субъекта и тела. Это уже определённая метафизическая позиция. Начальная уверенность в происходящем мышлении и итоговое учение о двух видах реальности не являются одним коротким наблюдением. Чтобы оценить переход, нужно рассмотреть аргументы и предпосылки автора. Принять первую постановку вопроса не означает без отдельной работы принять всю систему.

В обычном разговоре аналогичный переход бывает незаметен. Человек говорит, что ощущал себя отделённым от тела, а затем объявляет это доказательством независимого существования души. Другое лицо может столь же поспешно объявить переживание несуществующим, потому что не принимает его объяснение. Обе реакции пропускают различение. Можно признать сообщение об опыте, уточнять условия его появления и

оставлять вопрос об онтологии открытым. Эта осторожность не обещает окончательного ответа. Она позволяет исследовать рассказ, не требуя заранее выбрать между полной верой в его толкование и отрицанием самого переживания.

IV. Сомнение и основание уверенности

Сомнение полезно как проверка основания отдельного утверждения, когда ясно, что именно проверяется. У Декарта в части IV оно входит в исторический философский замысел: поставить под вопрос чувства, рассуждения и различение сна и бодрствования, чтобы найти устойчивое начало. Далее автор связывает надёжность ясного знания со своими аргументами о Боге. Этот контекст важен: его метод не заканчивается простой формулой о недоверии ко всему.

Читателю не требуется воспроизводить радикальное сомнение как повседневную дисциплину. Можно взять гораздо более ограниченный исследовательский вопрос: почему я считаю это утверждение верным? Ответ иногда обнаруживает собственное наблюдение, иногда пересказ, иногда привычное доверие к человеку. Ни один из этих случаев не получает оценки автоматически. Наблюдение может быть неполным, пересказ точным, доверие обоснованным длительной проверяемой работой. Задача состоит в том, чтобы увидеть фактическую опору.

Представим обсуждение фотографии старого здания. Один участник уверен, что снимок сделан после ремонта, потому что помнит цвет фасада. Другой располагает датированным оригиналом. Третий знает историю публикации. Вместо общего спора о том, можно ли доверять памяти, можно сравнить конкретные сведения: дату файла, происхождение снимка, видимые признаки и предел каждого свидетельства. Уточнение основания меняет разговор. Уверенность становится связанной с причиной, которую другой человек может понять и оценить.

При этом проверка не превращает всё знание в один вид доказательства. Исторический аргумент о Боге нельзя подтвердить датой фотографии; происхождение файла нельзя установить только философской уверенностью. Декартовский путь показывает, насколько тесно основание знания связано с общей картиной автора. Для нашей карты это приглашение читать весь переход, а не один знаменитый тезис. Ограниченное сомнение ставит рабочий вопрос. Оно оставляет возможность исправить суждение, не требуя объявлять весь человеческий опыт недостоверным и не превращая осторожность в новый обязательный образ жизни.

V. Познающий не всегда описывается как объект

Некоторые традиции ставят вопрос не только о содержании знания, но и о том, что делает знание возможным. В первой кханде «Кена-упанишады» спрашивается об основании действия ума и чувств. Далее Брахман описывается через особое отношение к этим способностям: он не представлен как ещё один обычный предмет, который ум просто распознаёт среди других. Мы читаем исторический английский перевод Макса Мюллера 1879 года; собственный русский пересказ не заменяет чтение санскрита.

Во второй кханде появляется парадокс знания и незнания. Его легко превратить в лозунг, будто отсутствие знаний всегда является более глубоким знанием. Но текст говорит о Брахмане внутри определённого учения. Мюллер в примечании к II.2 поясняет трудность обычной классификации такого предмета и отмечает особенности понимания. Переносить этот парадокс на любой вопрос — от происхождения рукописи до работы прибора — означало бы потерять исходный контекст.

С Декартом здесь можно сопоставить интерес к познающему, однако различие остаётся существенным. Декарт рассуждает о мыслящем субъекте и строит собственные аргументы о его отношении к телу и Богу. Упанишадический текст говорит о Брахмане и способности знать в своей религиозно-философской системе. Общее место вопроса не делает понятия взаимозаменяемыми. Нельзя молча перевести одно учение в термины другого, а затем представить полученное сходство как исходное согласие авторов.

Это сравнение расширяет карту: описание наблюдаемого объекта не исчерпывает всех философских вопросов. Одновременно оно требует удерживать статус ответа. Священный текст может быть основанием традиционного учения и важным свидетельством его языка. Его наличие само по себе не устанавливает экспериментальный результат. Уважительное чтение возможно без такого превращения. Оно обращает внимание на внутреннюю задачу текста, спорные места перевода и предел нашего понимания. Тогда знакомство с другой традицией помогает поставить новый вопрос, сохраняя право не принимать её метафизику.

VI. Когда понятие получает физическую процедуру

Физическое утверждение становится точнее, когда объяснено, как соответствующая величина определяется. В §1 статьи 1905 года Эйнштейн разбирает время через отношения между событиями и часами. Для события рядом с часами достаточно локального сопоставления. Для событий в разных местах нужно дополнительно определить согласование часов; автор вводит процедуру со световым сигналом. «К электродинамике движущихся тел», §1.

Это пример дисциплины вопроса, а не рассказ о том, как человеческая мысль создаёт время. Наблюдатель здесь связан с системой отсчёта, показаниями часов и физическим построением. Его роль нельзя без дополнительного аргумента заменить личным настроением или духовной перспективой. Два человека могут по-разному переживать ожидание, но из этого не следует описанная Эйнштейном связь между измерениями. Физическое время и переживаемая длительность требуют своих уточнений.

Представим удалённую встречу, участники которой спорят о моменте начала. Один имеет в виду отправку приглашения, другой — появление первого участника, третий — начало обсуждения. Даже до вопроса о точности часов необходимо выбрать событие. Затем понадобится понять, как получены и согласованы записи. Это обычный поясняющий пример, а не проверка теории относительности. Он показывает практическую роль определения: одинаковое слово ещё не гарантирует одинаковый предмет сравнения.

У Декарта в части IV есть другое различение: представить понятие треугольника не означает тем самым доказать существование конкретного треугольника. Можно сопоставить внимание обоих авторов к тому, что следует из понятия. Однако их проекты расходятся: Декарт развивает метафизический аргумент, Эйнштейн задаёт физическое построение времени. Переход от одного к другому не доказывает их общий взгляд на сознание. Он учит более ограниченной вещи: определение, логический вывод и сведения о мире выполняют разные роли. Чем яснее эти роли, тем меньше соблазн принять красивое рассуждение за завершённую проверку конкретного события.

VII. Как опыт становится утверждением о мире

Переход от личного сообщения к общему объяснению требует новых шагов, которые стоит сделать видимыми. Рассказ может начинаться с наблюдения, продолжаться предположением о причине и завершаться утверждением о природе реальности. Если эти части соединены одним плавным предложением, читатель легко принимает уверенность в первой части за подтверждение всей цепочки. Наша карта позволяет развернуть её, сохранив содержание рассказа.

Возьмём вымышленный пример: человек сообщает, что во время чтения перестал замечать течение времени, и считает это знаком того, что времени не существует. Первая часть описывает его опыт занятия. Вторая предлагает толкование этого опыта. Третья делает общий вывод. Чтобы обсуждать первую, можно уточнить, что именно человек помнит и как употребляет слово «время». Чтобы оценить третью, понадобится аргумент об отношении переживания к физическому измерению. Одного сообщения о поглощённости чтением для такого вывода недостаточно.

Сравнение источников помогает увидеть возможную ошибку без поспешного выбора объяснения. У Декарта факт мышления служит началом более длинного аргумента; у Эйнштейна время получает конкретное физическое определение. Эти ходы не отвечают на вопрос о нашем вымышленном читателе, но показывают, почему исходный материал и итоговое утверждение следует различать. «Кена-упанишада» добавляет ещё один уровень: религиозно-философское описание основания знания имеет собственный контекст, который также нельзя заменить бытовым впечатлением.

Речь не идёт о запрете общих выводов. Общий вывод может быть осмысленным, если показаны переходы и их основания. Важно оставить читателю возможность согласиться с сообщением, не принимая объяснение, или принять постановку вопроса, считая ответ недостаточным. Эта возможность поддерживает содержательный диалог. Она особенно нужна там, где опыт дорог человеку: критика вывода тогда не обязана превращаться в отрицание его честности, а уважение к рассказу не требует объявить доказанным всё, что рассказчик из него заключил.

VIII. Сопоставление, которое сохраняет различия

Сравнивать традиции имеет смысл по определённому вопросу, а не по впечатлению от похожих слов. Слова «ум», «сознание», «дух», «знание» могут выполнять разные функции. Если сразу заменить их одним общим термином, различия исчезнут ещё до исследования. Получится согласие, созданное переводом исследователя. Оно может быть выразительным, но не обязательно будет верным описанием источников.

В нашей небольшой подборке можно сопоставить три отношения. Аристотель выделяет общий предмет философского исследования. Декарт ищет исходную достоверность и развивает метафизическую систему. «Кена-упанишада» говорит о Брахмане в связи с познавательными способностями. Их тексты позволяют задать общий вопрос об основании знания и статусе познаваемого. Они не дают права объявить, что каждый автор описал одну и ту же сущность под другим именем. Такое утверждение само потребовало бы исследования.

Для честного сопоставления полезно показать обе стороны, назвать точное место и объяснить, что сравнивается: вопрос, образ, аргумент, устройство практики или вывод. После сходства нужно назвать границу. Например, ограничение привычных чувственных образов у Декарта и в «Кена-упанишаде» ещё не означает общей теории восприятия. Бог, обеспечивающий достоверность в декартовском рассуждении, и Брахман упанишадического текста не становятся одним понятием из-за того, что оба связаны с знанием.

Различие способно оказаться результатом сравнения, а не его неудачей. Читатель узнаёт, какие предпосылки меняются и почему ответы расходятся. Это также удерживает границу между содержательным сходством и историческим влиянием. В данной статье не устанавливается заимствование между выбранными авторами. Мы создаём современное сопоставление прочитанных фрагментов. Такая подпись к собственной работе сохраняет происхождение идеи: что принадлежит источнику, что нашему переводу, а что нашему исследовательскому решению. Тогда межкультурный разговор остаётся открытым и не требует от участников заранее согласиться с единством всех учений.

IX. Маршруты дальнейшего чтения

Следующий вопрос лучше выбирать по тому, что в исходном разговоре осталось неясным. Ветка «Мир и сознание» включает разные направления, и вводная карта не заменяет их подробного рассмотрения. Она показывает, где понадобится другой материал. Читатель может начать с наиболее близкого вопроса, сохраняя возможность вернуться к общей постановке позже.

Если неясно, на каком основании мы судим о чужом опыте, стоит перейти к теме сознания животных и к вопросу о возможном сознании искусственного интеллекта. Это отдельные задачи: какое поведение наблюдается, как устроено исследование, что считается свидетельством и какие альтернативные объяснения сохраняются? Вводная статья не устанавливает ни наличие, ни отсутствие сознания у конкретной системы. Исторические рассуждения о познающем не заменяют исследования таких случаев.

Если разговор вырос из необычного личного переживания, следующими будут темы изменённых состояний и религиозного опыта. Там важны различение сообщения, условий его получения и толкования, а также вопрос о том, кому и в каком смысле опыт кажется убедительным. Если же спор касается времени, можно отдельно рассмотреть физическое измерение и переживаемую длительность. Определение Эйнштейна из этой статьи задаёт лишь один ограниченный вход в большую тему; оно не завершает разговор о памяти, ожидании и последовательности.

Вопросы о причинах ведут к темам детерминизма, случайности и многопричинных объяснений. Вопросы о возникающих свойствах целого — к сложным системам, обратной связи и устойчивости. Эти указатели обозначают редакционный маршрут, а не сообщают о наличии опубликованных статей по каждой теме. Их задача — помочь сформулировать следующий вопрос. Вместо попытки немедленно получить единую картину всего можно выбрать один переход, который требует проверки: от поведения к опыту, от переживания к устройству мира, от регулярности к причине. Подробное чтение такого перехода делает и общую карту содержательнее.

X. Уверенность, которую можно уточнять

Уточнение суждения не обязано означать потерю всего, что мы прежде понимали. Если новое основание меняет один вывод, полезно определить масштаб изменения. Иногда исправляется дата, иногда значение термина, иногда предпосылка большого аргумента. Эти случаи имеют разные последствия. Возможность пересмотреть суждение становится понятнее, когда оно с самого начала имеет видимую опору.

Вернёмся к вымышленному разговору о морском вечере. После сверки записей участники могут установить, что называли заходом солнца разные события. Это исправит сравнение времени, сохранив их переживания вечера. Другой разговор может обнаружить, что фраза о единстве мира была описанием чувства, а не онтологическим тезисом. Тогда исчезнет часть спора, но останется интерес к тому, как человек понимает собственный опыт. В третьем случае расхождение о природе реальности действительно сохранится. Уточнение не гарантирует согласия.

Ни один из четырёх источников не выдаёт нам общего разрешения считать всякий ответ одинаково истинным. У Аристотеля есть замысел исследования, у Декарта — сильные утверждения, в упанишадическом тексте — доктринальный контекст, у Эйнштейна — определённые физические предпосылки. Уважительное чтение требует заметить их требования, а не свести всё к личному вкусу. Одновременно оценка конкретного аргумента не обязывает человека принять все связанные с ним взгляды автора.

Рабочий итог карты — более точное обращение с собственными утверждениями. Можно сказать, что мы знаем, откуда это знаем, что предполагаем и чего пока не установили. Такая речь не устраняет философскую глубину. Она создаёт место для неё: вопрос о мире больше не должен прятаться внутри случайной ошибки измерения, а личный опыт не обязан выполнять роль доказательства всей метафизики. Разговор может продолжаться на том уровне, где находится действительное разногласие. Там становится возможным новое чтение, уточнение примера или проверка основания, способная изменить конкретный ответ.

Что это значит на практике

Выберите одно утверждение, которое действительно хотите понять. Подойдёт фраза из книги или разговора; не обязательно начинать с дорогого вам личного убеждения. Запишите её без усиления. Затем отделите описание от вывода. Например, фраза «во время чтения я не замечал времени, поэтому время существует только в сознании» содержит сообщение об опыте и отдельное утверждение об устройстве времени. На этом этапе не требуется выбирать окончательный ответ.

Уточните предмет каждой части. В первом случае можно спросить о переживании длительности; во втором — о физическом времени и об отношении между ним и опытом. Отметьте, какое основание у вас есть: личное воспоминание, измерение, текст автора, логический аргумент. Если вы ссылаетесь на книгу, найдите место, где автор делает именно нужный переход. Знакомое имя или похожее слово не заменяет этот фрагмент.

После этого сформулируйте один ограниченный следующий шаг. Можно сверить два определения, прочитать соседний абзац, уточнить, что собеседник имел в виду, или найти исследование конкретного явления. Для физического вопроса понадобится соответствующая процедура и данные. Для понимания религиозно-философского текста — контекст учения и перевод. Если требуемого основания пока нет, допустимо оставить вывод открытым. Это содержательный результат разбора, когда известно, чего именно не хватает.

В конце попробуйте переписать исходную фразу так, чтобы её масштаб соответствовал опоре. Наш вымышленный пример может превратиться в более скромное сообщение: «Во время чтения я почти не замечал длительности; пока не знаю, что из этого следует для общего вопроса о времени». Другой разбор может сохранить сильный вывод, если его аргументы выдержали рассмотрение. Цель упражнения — ясность перехода, а не обязательное ослабление каждой мысли. Это предложенный нами способ чтения и обсуждения, не экспериментально подтверждённая программа изменения самочувствия. Если разговор становится избыточно напряжённым, можно выбрать менее личный пример или остановиться. Решение о продолжении остаётся за человеком.

Ключевая цитата

> *«Его не понимают те, кто его понимает; его понимают те, кто его не понимает».*

«Кена-упанишада», II.3, в переводе Ф. Макса Мюллера, *The Upanishads*, часть I, Oxford, Clarendon Press, 1879, с.149. Собственный русский перевод с проверенного английского: “It is not understood by those who understand it, it is understood by those who do not understand it.” Под «его» здесь подразумевается Брахман. Парадокс относится к определённому способу знания в тексте, а не делает любое незнание доказательством мудрости. Фрагмент и примечания.

Связи между традициями

Сопоставление	Что помогает увидеть	Граница
Аристотель, «Метафизика» IV.1 / Декарт, часть IV, абзац о мышлении	Можно различать общий предмет исследования и исходную достоверность, от которой строится аргумент.	Вопрос о сущем и декартовское начало знания не задают одной онтологии.
Декарт, IV, следующий абзац о мыслящем субъекте / «Кена», I.2 и I.6	Оба текста побуждают спросить о познающем и его отношении к способностям знания.	Мыслящая субстанция Декарта и Брахман не взаимозаменяемы; это философские учения, а не современные эксперименты.
«Кена», II.1–4 и примечание 149:1 / Аристотель, IV.1	Сопоставление уточняет, рассматривается ли предмет как обычный классифицируемый объект или исследование имеет более общий замысел.	Мюллеровское пояснение знания Брахмана не равно аристотелевской области исследования и не устанавливает универсальный непознаваемый объект.
Эйнштейн, §1, часы A и B / Декарт, IV, абзац о треугольнике и существовании	Связное понятие и установление отношения в конкретном случае выполняют разные работы.	Процедура физического определения и метафизический аргумент не подтверждают богословие друг друга.
Эйнштейн, введение и §1 / Аристотель, IV.1, частные науки	Прежде чем расширять вывод, стоит определить область вопроса.	Античное различение областей не превращает специальную теорию относительности в общую теорию сознания.
Декарт, IV, заключительные абзацы о чувствах, воображении и разуме / «Кена», I.3–6 и II.3	Ограничение чувственного образа может играть роль в философском объяснении знания.	Декартова гарантия Бога и учение о Брахмане расходятся; сходство не разрешает отказаться от проверки фактов.

Это современная карта выбранных текстов, а не доказательство исторического контакта или общей скрытой доктрины.

Первоисточники

• Аристотель. «Метафизика», IV, английский перевод W.D.Ross. Использованы полностью прочитанный IV.1 и начало IV.2; античная постановка общего предмета исследования. Точная дата издания этого перевода на странице не установлена.

• Рене Декарт. «Рассуждение о методе», английский перевод John Veitch. Использованы начало части I и полностью прочитанная часть IV. Оригинал 1637 года; год исторического английского экземпляра здесь не подтверждён. Французский оригинал не сверялся.

• «Кена-упанишада»: I, II, IV. F.Max Müller, *The Upanishads*, часть I, SBE1, Oxford, Clarendon Press,1879. Эти кханды и примечания прочитаны полностью; III и санскрит не проверялись. Религиозно-философский первичный текст в историческом переводе, включая оговорки переводчика.

• Альберт Эйнштейн. *On the Electrodynamics of Moving Bodies*,1905; перевод W.Perrett и G.B.Jeffery в *The Principle of Relativity*,1923, электронная редакция John Walker. Использованы введение и полностью прочитанный §1, а не вся статья. Основание для разговора о физическом определении времени; немецкий оригинал не сверялся.

Теги

мир, сознание, реальность, опыт, знание, бытие, онтология, эпистемология, обоснование, наблюдение, измерение, определение, интерпретация, сомнение, мышление, субъект, тело, Декарт, Аристотель, Кена-упанишада, Брахман, Эйнштейн, время, система отсчёта, синхронизация, философия, религиозный текст, межкультурное сопоставление, границы вывода, дальнейшее чтение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.